

юридической и психологической литературе такое состояние психики человека принято называть ограниченной (частичной или уменьшенной) вменяемостью.

Между тем, не нужно забывать о том, что природа психических аномалий носящих характер неглубокого психического расстройства и психологическая природа аффекта различаются между собой.

Список литературы:

1. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование (постатейный) / под ред. Г.М. Резника. М.: Волтерс Клувер, 2005; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Я.Е. Иванова и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010.
2. Кудрявцев В.Н. Правонарушения: их причины и предупреждение. - М.: 1997. - С. 38.
3. Васильев В.Л. Юридическая психология. - СПб.: Питер, 2001. - С. 325.
4. Таганцев Н.С. Уголовное право (Общая часть). Часть 1. По изданию 1902 года. - М., 2003.- С. 431.
5. Уголовное право. Общая и Особенная части: Учебник для вузов / Н.И. Ветров, Г.В. Дашков, В.И. Динека и др.; под ред. Н.Г. Кадникова. М.: Городец, 2006.
6. Семернёва Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. - М.: «Проспект»; Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2010.
7. <http://www.rusmedserv.com/psychsex/affect.htm>
8. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / А.А. Ашин, А.П. Войтович, Б.В. Волженкин и др.; под ред. А.И. Чучаева. 2-е изд., испр., перераб. и доп. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2010.
9. Гасанова Я.О. Убийство в состоянии аффекта: актуальнее проблемы и особенности нормы // Адвокатская практика. 2006. N 3;
10. Спасенников Б.А. Аффект и уголовная ответственность // Закон и право. 2003. N 6. С. 31-34 и др.
11. Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. - М., 1999.-С.72.
12. Тухбатуллин Р.Р. Субъект и субъективная сторона преступлений против жизни и здоровья, совершенных в состоянии аффекта // Российский следователь. 2005. N 8.
13. Ситковская О.Д. Судебно-психологическая экспертиза аффекта. Методическое пособие / Под ред. Ратинова А.Р. -М., 1983.-С. 15-34.
14. Сидоров Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. М., 2006. С. 71.
15. Сидоров В.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. - Казань: Казанский Университет, 1978.
16. Лысак Н.В. Ответственность за убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения. Автореф. Дис... док.юр.наук. - М., 2005.
17. Данные внутреннего архива.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Зайцева Е.А. – д.ю.н., профессор, Волгоградская академии МВД России

Российское уголовное судопроизводство, ориентированное на реализацию идеи состязательности сторон, получившей статус конституционного принципа в 1993 г. в связи с

принятием Конституции РФ, нашедшей дальнейшее воплощение в системе уголовно-процессуальных принципов (ст. 15 УПК РФ), должно гармонично включать в себя институты, отражающие реальное состязание сторон в ходе правового спора перед судом. Прежде всего, механизм состязания отражается в доказывании, в использовании всего арсенала средств установления истины в деятельности тяжущихся сторон. Одним из эффективнейших средств доказывания была и остается судебная экспертиза, которая в условиях действующего нормативного регулирования является эксклюзивной прерогативой властных субъектов. А это означает, что сторона защиты лишена возможности самостоятельного назначения судебной экспертизы и может лишь инициировать перед лидирующим субъектом уголовного производства вопрос о назначении судебной экспертизы. Как рассматриваются подобные «инициативы» - история известная, т.к. можно найти значительное число судебных решений, обосновывающих отказ органов предварительного расследования в удовлетворении ходатайств стороны защиты о назначении судебной экспертизы, либо не усматривающих нарушений прав обвиняемого при назначении судебной экспертизы, предусмотренных ст. 198 УПК РФ, даже в очевидных ситуациях[1]. Попытки стороны защиты оперативно в рамках судебного контроля обжаловать отказ следователя в удовлетворении их ходатайств по правилам ст. 125 УПК РФ также оказываются безрезультатными, т.к. суды, как правило, объясняют невозможность рассмотрения этих жалоб «шаблонными фразами» типа: «доводы, изложенные в жалобе, связаны с собиранием и оценкой доказательств, что является предметом рассмотрения уголовного дела по существу, в связи с чем, не могут быть предметом рассмотрения в порядке ст. 125 УПК РФ»[2].

Естественно, для стороны защиты на фоне такой правоприменительной практики весьма ценным доказательством представлялось заключение специалиста, в котором адвокаты усмотрели «альтернативу» заключению судебной экспертизы. Автором настоящей статьи в ранее опубликованных монографиях анализировалась данная ситуация сквозь призму правомерности подобной интерпретации заключения специалиста. Начиная с момента появления в ст. 80 УПК РФ новой ч. 3, закрепляющей дефинитивную норму, которая определила правовую природу заключения специалиста в российском уголовном процессе[3], мы последовательно отстаиваем тезис, что данное доказательство не может быть «альтернативой» заключению эксперта по причине того, что способ получения выводов экспертов и специалистов кардинально различается. Эксперт проводит исследование, основываясь на экспертной методике. Поэтому заключение эксперта в ч. 1 ст. 80 УПК РФ определяется через категорию «исследование». А специалист исследования не проводит, он высказывает суждение по специальному вопросу, что, собственно, и нашло отражение в упомянутой дефинитивной норме ч. 3 ст. 80 УПК РФ. И это логично: не могут разные по процессуальному статусу фигуры, действующие в различных процессуальных режимах, «поставлять» в уголовный процесс одинаковые по своей природе доказательства, отличающиеся только названием. (Здесь мы должны еще раз высказать свои критические суждения относительно существующей в Республике Казахстан практики, согласно которой заключения экспертов пишут эксперты Минюста РК, а сотрудники экспертных подразделений системы МВД РК оформляют результаты проведенных ими исследований в виде заключений специалистов [3]).

В российском уголовном процессе с момента появления заключения специалиста в числе источников доказательств с 2003 г. и вплоть до декабря 2010 г. практика использования и интерпретации заключений специалистов сильно различалась, и только благодаря выверенным правовым позициям Пленума ВС РФ, отраженным в Постановлении № 28 от 21.12.2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам»[4], был установлен единый подход к пониманию правовой природы заключения специалиста как письменной консультации сведущего лица. Это же Постановление ПВС РФ обозначало весьма перспективное направление использования заключения специалиста в доказывании: для оценки и оспаривания заключения судебного эксперта (абзац 2 п. 19).

Однако с сожалением приходится констатировать, что в 2021 г. Пленум ВС РФ внес весьма радикальные правки[5] в вышеуказанное Постановление № 28, которые, фактически, создали реальную проблему для адвокатов в части оперирования заключением специалиста.

Из текста Постановления № 28 был исключен принципиально важный с точки зрения состязательности сторон абзац 2 п. 19, а также п. п. 20-22, разъясняющие порядок привлечения специалиста к участию в судебном следствии (в том числе – для оценки заключения эксперта). Этот исключенный абзац 2 п. 19 гласил: «Для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист. Разъяснения специалист дает в форме устных показаний или письменного заключения».

Ликвидация такой возможности – явное ограничение состязательного познавательного потенциала в суде. Не секрет, что правоприменители (и следователи, и дознаватели, и прокурорские работники, и сами судьи) редко обладают достаточно глубокими специальными познаниями для компетентной оценки качества проведенного экспертом исследования, корректности применения экспертной методики, правильности оценки выявленных экспертом признаков. Усложнение экспертных методик, увеличение их числа, как объективная тенденция развития науки и техники, зачастую усиливает негативное явление в виде чрезмерного доверия правоприменителей выводам судебного эксперта. Данная тенденция диктует необходимость привлечения «стороннего взгляда» компетентного лица, не зависящего от обвинителя, способного выявить экспертные ошибки.

При всей логической целесообразности привлечения специалиста для оценки заключения эксперта в реалиях состязательного судопроизводства отказ Пленума ВС РФ от этой очевидно полезной технологии познания судебной истины можно расценить именно как отход от генеральной линии на укрепление состязательных начал в уголовном судопроизводстве, которую заложил в своих решениях Конституционный Суд РФ, осуществив в рамках судебной реформы 90-х годов свою «тихую революцию»[6]. Следуя яркой лексике профессора В.П. Божьева [6], деятельность Пленума ВС РФ в части «сворачивания» состязательности сторон с участием сведущих лиц в уголовном процессе можно не менее образно назвать «тихой контрреволюцией Пленума Верховного Суда РФ».

К чему на практике привел этот «разворот на 180 градусов» в политике вовлечения в доказывание специалиста, можно со всей очевидностью проследить на примере многочисленных решений судов, признающих недопустимым доказательством заключения специалиста, представленные стороной защиты для опровержения выводов судебного эксперта.

Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном определении от 26 октября 2021 г. N 41-УД21-46-А3 согласилась с решением суда первой инстанции: «Судом обоснованно не были приняты во внимание показания и заключение специалиста Ш. в отношении заключения судебно-медицинской экспертизы трупа Филиппенко Ю.И., потому что они были направлены не на ответы на вопросы, когда на это требуются специальные познания, а на оценку уже имеющегося в деле заключения эксперта, что в данном случае недопустимо»[7].

Также критически отнесся к заключению специалиста Восьмой кассационный суд общей юрисдикции в определении от 19.07.2023 по делу N 77-3258/2023: «Специалист, без проведения исследования трупа ... и изучения соответствующей медицинской документации, в которой отражены сведения об оказанной ей медицинской помощи, дал оценку качеству заключений судебно-медицинских экспертиз. Вместе с тем, оценка доказательств в соответствии со ст. 58 УПК РФ не входит в круг обязанностей специалиста. Такая оценка производится судом при разрешении уголовного дела и вынесении итогового решения»[8].

Сходное отрицательное отношение суда первой инстанции поддержал в апелляционном определении Пятый апелляционный суд: «Вопреки доводам жалобы, суд пришел к правильному выводу о том, что приобщенное защитником заключение специалистов (т. 13

л.д. 199-228) не может быть использовано как доказательство по делу и сослался на ст. 58 УПК РФ, которая не относит к компетенции специалиста рецензирование экспертного заключения, направленного на оценку имеющихся в деле доказательств, что не входит в компетенцию специалиста, и указанная рецензия, как верно отмечено судом, не может быть признана допустимым доказательством»[9].

Думается, в реальной судебной практике подобных решений с обоснованием недопустимости осуществления специалистом оценки заключения эксперта можно найти десятки. Для судей весьма удобны коррективы прежнего Постановления № 28 от 21.12.2010 Пленумом ВС РФ: по сути, нет теперь необходимости чрезмерно глубоко анализировать альтернативное мнение специалиста, представленное стороной защиты для дискредитации заключения судебного эксперта (учитывая сложность оценки научной обоснованности выводов эксперта, выявления нарушения требований экспертной методики и т.д.). Судьям легче оформлять мотивировочную часть приговоров, используя данные, отраженные в заключении эксперта – теперь «единственном легальном» источнике сведений, полученных на основе специальных знаний.

В этих условиях, упрощающих жизнь судей и государственных обвинителей, условиях ликвидации реальной состязательности сторон при доказывании специальных вопросов, требующих познаний сведущих лиц, представителям адвокатского сообщества весьма некомфортно оказывать качественную юридическую помощь. Требуется разработка новых тактических приемов, минимизирующих эту потерю возможности опровергать в состязательном режиме выводы судебной экспертизы.

Полагаем, уж коль Пленум ВС РФ исключил право использовать помощь специалиста для оценки заключения эксперта, адвокату-защитнику следует по-иному презентовать результаты консультационной деятельности специалиста. Во-первых, обращаясь к специалисту в порядке ч. 3 ст. 80 УПК РФ, адвокат-защитник должен требовать от компетентного лица письменное заключение специалиста (а не рецензию, не акт несудебной экспертизы). Во-вторых, перед специалистом надлежит ставить «обезличенные» вопросы, касающиеся требований конкретной экспертной методики (но не их соблюдения конкретным экспертом в данном деле), касающиеся правил оценки тех или иных признаков, их достаточности для формулирования определенного вывода. Безусловно, правильная формулировка вопросов специалисту в этой непростой ситуации – залог успеха привлечения специалиста для усиления позиции стороны защиты. Поэтому, в-третьих, целесообразно, чтобы специалист, приглашенный защитником для консультации, предварительно изучал заключение эксперта, выявлял в нем проблемные моменты, касающиеся примененной методики, сформулированных выводов и др., чтобы помочь защитнику корректно сформулировать вопросы для включения их в свое заключение. Например, в случае анализа заключения эксперта, исследовавшего каннабис, при выявлении проблемных аспектов в этом заключении перед специалистом можно поставить вопросы о процедуре взвешивания наркосодержащих растительных остатков, о правилах поверки оборудования, применяющегося для этого, вопросы о морфологическом исследовании и о типичных анатомо-морфологических признаках каннабиса, сходстве некоторых из них с признаками крапивы двудомной и т.д. Эти «обезличенные» вопросы позволят специалисту представить заключение как абстрактную консультацию по специальному вопросу, что лишает возможности оппонентов упрекнуть специалиста в попытках оценить заключение конкретного эксперта. Статус-кво сохраняется, а в руках у стороны защиты имеется компетентное мнение о подлежащей применению экспертной методике, опираясь на которое, сам защитник может в суде поставить под сомнение выводы судебной экспертизы. А дальше – «дело техники»: ссылаясь на ч. 4 ст. 271 УПК РФ, защитник ходатайствует о допросе специалиста, обеспечив заранее его явку. При допросе защитник спрашивает специалиста о требованиях методики, а потом акцентирует внимание суда на несоответствии заключения эксперта этим требованиям. Далее, ссылаясь на п. 16 действующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 N 51 «О практике применения

законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»[10], защитник ходатайствует о назначении дополнительной или повторной судебной экспертизы[10].

Предложенный алгоритм поможет в обновившихся сложных условиях создать предпосылки для успешного конкурентирования стороны защиты со стороной обвинения в вопросах оценки заключения судебного эксперта.

Список литературы

1. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2022 N 77-1113/2022. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Апелляционное постановление Московского городского суда от 25.04.2019 по делу N 10-7546/2019. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Зайцева Е.А. Заключение специалиста – «процессуальный клон»? // Қазақстан Республикасының қылмыстық-процестік заңнамасын жетілдірудің болашағы: Халықаралық ғыл.-практ. конф. мат-ры = Перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан: Мат-лы междунаро. науч.-практ. конф. / Қауымдастырылғын профессор Д. Т. Кенжетаевтың жалпы редакциясымен. – Қарағанды: Қазақстан Республикасы ИМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы, 2018. – С. 163-165.

4. О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 N 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. N 2.

5. О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 N 22 // Российская газета. 2021. 16 июля.

6. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Рос. юстиция. 2000. № 10.

7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 г. N 41-УД21-46-А3. [Электронный ресурс]. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-26102021-n-41-ud21-46-a3/> (дата обращения: 16.10.2023).

8. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.07.2023 по делу N 77-3258/2023. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

9. Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 19.07.2023 по делу N 55-447/2023. [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 N 51 // Российская газета. 2017. 29 дек.